

«Тяжело умирать
с незаслуженным клеймом “контрреволюционер”»:
отражение репрессий в жалобах заключенных
и их родственников о пересмотре дел,
1938–1939 гг.

Екатерина М. Мишина

*Благотворительный фонд «Протяни руку»,
Москва, Россия, zyu@inbox.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются тексты жалоб заключенных и их родственников, поданные ими в органы власти в 1938–1939 гг., на несправедливое осуждение в рамках «кулацкой» операции НКВД. Источником выступают тексты прошений о помиловании, отложившиеся в следственных делах по Москве и Московской области в Государственном архиве РФ. Жалобы, описывающие истории разных людей, схожи по своей сути и цели и имеют схожую трехчастную структуру, где выделяются «истинные» (по мнению жалобщиков) мотивы осуждения (оговоры, действия следователя), причины арестов и их взаимосвязи друг с другом и аргументы, доказывающие невиновность человека и необходимость скорейшего пересмотра дела. На основе сравнения текстов жалоб заключенных и их родственников выделяются различия в понимании ими причин и сущности репрессий в целом. Автор приходит к выводу, что заключенные улавливали четкую связь между социальным происхождением и фактом ареста, их родственники же не считали такую причину весомой и считали, что трудовые заслуги были важнее происхождения. Их прошения более биографичны, сами заключенные уделяли значительное внимание разъяснению каждого предъявленного официального обвинения. Родственники чаще верили в «ошибки» органов и случайность ареста, заключенные же объясняли репрессию местью коллег или соседей по квартире. Массовость террора осознавалась жалобщиками лишь интуитивно, ответственность за него они переносили на рядовых граждан – «доносчиков» и следователей, фабрикующих дела.

Ключевые слова: эго-документы, жалобы, причины репрессий, заключенные, родственники, следователи, доносы

Для цитирования: Мишина Е.М. «Тяжело умирать с незаслуженным клеймом “контрреволюционер”»: отражение репрессий в жалобах заключенных и их родственников о пересмотре дел, 1938–1939 гг. // История и архивы. 2021. № 4. С. 30–45. DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-30-45

“It is hard to die
with the undeserved ‘counter-revolutionary’ stigma”.
The reflection of repressions in the complaints
of prisoners and their relatives about retrial,
1938–1939

Ekaterina M. Mishina

*The charity foundation “Give the Hand”,
Moscow, Russia, zyu@inbox.ru*

Abstract. The article is dedicated to the texts of the complaints of prisoners and their relatives about an unfair conviction during the NKVD “kulak” operation. They are stored in the investigative cases of the repressed Muscovites in the State Archives of the Russian Federation. The complaints have a three-part structure with the “true” (according to the complainants) motives of conviction (slander, actions of the investigator), arrest reasons and their relationship with each other, and the arguments proving human innocence. The author analyses the differences in the understanding of the reasons of repressions in the texts of the prisoners and their relatives. The convicts realized a clear connection between the social origin and the fact of arrest, their relatives did not consider that reason to be significant and believed that labor merits were more important than the origin. Their petitions are more biographical, the convicts themselves paid considerable attention to the explanation of each official charge. The relatives more often believed in the “mistakes” of the NKVD while conducting arrests, the prisoners explained the repression as a revenge of the colleagues or neighbors. The mass terror was only intuitively recognized by the complainants; they transferred the responsibility for it onto ordinary citizens – the “snitches” and investigators who fabricated the cases.

Keywords: ego-documents, causes of repressions, complaints, prisoners, relatives, investigators, snitches

For citation: Mishina, E.M. (2021), “It is hard to die with the undeserved ‘counter-revolutionary’ stigma. The reflection of repressions in the complaints of prisoners and their relatives about retrial, 1938–1939”, *History and Archives*, no. 4, pp. 30–45, DOI: 10.28995/2658-6541-2021-4-30-45

Одним из последствий «архивной революции» в России стало введение в научный оборот комплекса архивно-следственных дел репрессированных. Во многих из них хранятся составленные самими арестованными заявления, жалобы и прошения о пересмотре приговора, направленные в высшие органы власти. В отличие от добровольных «писем во власть», ходатайства о помиловании – это особый источник личного происхождения, созданный в экстремальных условиях тюрьмы и по вынужденным обстоятельствам с целью любой ценой добиться освобождения. Этим письмам вторят их копии «с воли» – ходатайства и заявления оставшихся на свободе родственников заключенных¹.

Прощения о помиловании, безусловно, являются эго-документом. Они не только экспонируют мир одной личности (Я), но и показывают социально-обусловленные «параметры» (Мы), позволяя изучать как индивидуальные, так и статистические явления [Суржикова 2014, с. 6, 11]. Особый акцент ставится на изучении субъективной составляющей: отражении личности и личностного восприятия окружавшей авторов действительности, передаваемой в созданных ими текстах [Кодан 2017; Троицкий 2014, с. 14]. В историографии есть немало примеров обращения к жалобам лишенных избирательных прав в контексте рассмотрения проблемы восстановления в правах [Москаленская 2013, с. 134–138; Килин 2018, с. 70–77; Валув 2012], однако другой массив подобных документов – периода «восстановления социалистической законности» 1939 г. – еще ждет своего исследователя. За исключением публикаций отдельных документов² их потенциал как эго-источника остается нераскрытым.

В период Большого террора в СССР количество жалоб и прошений, поданных в органы власти, выросло до невероятных размеров. Проверка Прокуратурой Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) в 1939 г. выявила 160 тыс. заявлений, оставленных без рассмотрения³. Часто жалобы, поданные заключенными, не доходили до высокопоставленного адресата, а оседали в следственных делах и становились причиной пересмотра дела [Уйманов 2012, с. 43]. Их подробное изучение позволяет дать ответ на следующие вопросы: понимали ли заключенные массовый характер террора, или вери-

¹ Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение новейшей истории России: теория, методология и практика. М., 2004. С. 185.

² Письма во власть: 1928–1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям. М., 2002; Эхо Большого террора. Т. 3: Чекисты Сталина в тисках «социалистической законности»: Эго-документы 1938–1941 гг. М., 2018. С. 171–299.

³ Письма во власть... С. 7.

ли в неосведомленность о нем власти? Осознавали минимальную вероятность получения ответа или верили, что именно их заявление будет рассмотрено? Как различалось понимание причин ареста и сущности дела и репрессий в целом у самих заключенных и их родственников? Об этом пойдет речь в данной статье.

Источником исследования являются прошения о помиловании, отложившиеся в следственных делах по Москве и Московской области, хранящиеся в Государственном архиве РФ (ф. 10035), изученные нами в рамках совместной работы ГА РФ и проекта «Открытый список» по составлению Книги памяти репрессированных москвичей. Это дела, заведенные в 1937–1938 гг. на осужденных «тройкой» при УНКВД по Московской обл. в рамках «кулацкой» операции по оперативному приказу НКВД № 00447, пересмотренные на основании жалоб на несправедливое осуждение, поданных в органы власти самими осужденными из лагерей или их родственниками. За четыре года работы проекта просмотрено 17500 дел первой описи указанного фонда (дела выдаются в порядке нумерации), из которых более полутора тысяч дел периода Большого террора. Из них более трехсот содержат прошения о помиловании, 5-процентная выборка из которых является источником исследования. В рамках данной работы мы не будем останавливаться на механизме пересмотра дел [Уйманов 2012, с. 43–44], а рассмотрим именно социальную составляющую жалоб и заявлений.

Жалоба – рукописный документ, имеющий адресата (наркомы внутренних дел – Н.И. Ежов и Л.П. Берия, Прокурор СССР Вышинский, областной и районные прокуроры, реже – отдельные высокопоставленные лица: И.В. Сталин, М.И. Калинин, Л.М. Каганович и т. д.) и отправителя: самого осужденного или его родственника (жены, дети). В среднем текст состоит из 4–5 страниц, реже он многостраничный и по жанру похож скорее на личное письмо, большую часть в нем занимают рефлексии и переживания просителя, а затем уже сущность дела. Жалобы такого рода ярко свидетельствуют о вере во власть как единственного заступника против несправедливости, что проявляется в обращении к адресату (здесь и далее орфография и пунктуация сохранены): «Тов. Каганович <...> отец у меня был пьяница <...> я обращаюсь к вам как к более родному и любимому отцу, который возможно поймет меня и мою мирскую жизнь, так как мне больше не с кем поделить оскорбленное и тяжелое переживание <...>. Вся надежда только на вас, с нетерпением жду вашей помощи и скорого ответа, в чем моя вся жизнь будет заключаться»⁴. Из текстов известно, что подобных прошений

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-4481. Л. 23–24.

в разные инстанции могло быть несколько: они либо отсылались одновременно, либо, не увидев сдвигов в деле, проситель писал в следующую, а также несколько раз (до 4–5) повторял жалобы на имя одного и того же лица. Язык таких текстов достаточно прост, хотя и содержит большое количество оборотов речи, широко тиражируемых советской печатью.

Несмотря на то что каждая жалоба не похожа на другую, описывает историю каждого конкретного человека, они схожи по своей цели (добиться пересмотра дела и доказать невиновность). Эта схожесть проявляется и в форме текста, имеющего как бы трехчастную структуру. В первой части жалобщик сообщал сведения о том, кто арестован, когда и где произошел арест, к какому сроку приговорен и где содержится (родственники узнавали данные по последним двум пунктам из писем осужденных). Здесь также упоминалась официальная причина осуждения (указанная в протоколе «тройки») – чаще всего это антисоветская агитация: «с 28 августа 1937 года я был забран Молотовского р-на НКВД и до сего времени нахожусь в заключении по обвинению в преступлении, которых НИКОГДА НЕ СОВЕРШАЛ!!! Меня обвинили в агитации»⁵. Тексты жалоб показывают, что заключенные не верили в реальность официальных обвинений, стараясь разглядеть «настоящую» причину ареста, раскрывающуюся во второй части текста.

В тех случаях, когда не была выделена красной строкой, первая часть жалобы перетекала во вторую – самую обширную, – которая освещала два вопроса. Первый – мотив, по которому «на самом деле» (по мнению осужденного или его родственников) было заведено дело. Анализ текстов жалоб позволяет выделить два самых распространенных мотива – оговор и действия следователя.

Оговор. Сами заключенные чаще, чем их родственники, выказывали уверенность в том, что заведенное на них дело стало результатом оговора со стороны сослуживцев, соседей по квартире или даже родственников. Атмосфера тотального недоверия в советском обществе и поощрение доносов [Фицпатрик 2008, с. 246] играли свою роль в перекладывании вины с настоящих инициаторов арестов на мелких «исполнителей» – рядовых граждан. «Я убежден, что в основу вмененного мне в вину преступления был положен ложный донос со стороны лиц, враждебно ко мне относившихся на почве служебных обязанностей»⁶.

Действия следователя. Известно, что именно произвол сотрудников НКВД считался среди современников главной причиной

⁵ Там же. Д. П-2541. Л. 19.

⁶ Там же. Д. П-4221. Л. 39 об.

репрессий [Быкова 2011, с. 404]. Тексты жалоб в значительной степени подтверждают этот тезис. Часть заключенных была уверена, что их дело – продукт вымысла конкретного следователя. Приводя такой довод, все они описывали схожую процедуру следствия, которое было единственной возможностью защитить себя (так как приговор выносился заочно и объявлялся вместе с обвинением уже в лагере), но арестант лишен ее, поскольку следствие формально. «Никаких моих объяснений не принималось, и запись объяснений на заданные вопросы производилась самим следователем его личным ответом, пропускались свободные места в протоколе допроса – подписи постранично сделаны благодаря вынуждения следователя»⁷; «В тюрьме сидела 21 день со дня ареста, и потом прямо на этап, на допрос ни разу не вызывали, очной ставки не было. Плохо разбираясь, но подписывала все, где предложил следователь»⁸. Супруга Матвея Пашутина, узнав от мужа возможные причины осуждения, добилась от свидетеля подписки о том, что он не давал отраженных в деле показаний: «Свидетель по делу мужа т. Ениватов в своем заявлении говорит, он подписывал протокол, не читая, т. к. русский язык знает плохо <...> в подтверждении этого я прилагаю справку, данную мне т. Ениватовым»⁹.

Тексты жалоб не показывают рефлексии заключенных на тему причин фабрикации дел следователями: очевидно, она не способствовала решению задачи жалобщика. Встречаются лишь единичные ее примеры, впрочем, не учитываемые при пересмотре дела и не относимые напрямую к НКВД. Заключенный Иван Распопов писал: «По моему предположению единственной причиной моего ареста явилась какая-то клевета перед органами НКВД либо ради личных недовольств мною, либо ради численности ареста по проявлению бдительности администрации завода»¹⁰ (где работал осужденный. – *Е. М.*).

Здесь необходимо сделать замечание о том, как ощущали террор современники событий. Безусловно, о проведении крупных кампаний разоблачения «врагов народа», таких, как показательные процессы, знал каждый гражданин СССР. Народ, разделяя себя и элиты на «мы» и «они», поддерживал репрессии бывших высокопоставленных чиновников как «мсть» за их прошлую хорошую жизнь (для любого рабочего таким «они» было, например, руководство предприятия, где он работал, а для колхозника – председатель колхоза). Террор против тысяч ленинградцев, высланных

⁷ Там же. Д. П-4370. Л. 31.

⁸ Там же. Д. П-4421. Л. 22 об.

⁹ Там же. Д. П-4315. Л. 46 об.

¹⁰ Там же. Д. П-4495. Л. 20.

в начале 1935 г. после убийства С.М. Кирова, встречал даже больше сочувствия. Широко освещались поиски «врагов» накануне выборов в Верховный совет, по народному мнению, их искали среди «чуждых» элементов. По мнению С. Дэвис, большая часть известных материалов указывает на равнодушное и одобрительное отношение к террору [Дэвис 2011, с. 115–118]. Как указывает Ш. Фицпатрик, молодежь не придавала террору значения, пока он не касался непосредственно их семей и не менял привычный уклад жизни [Фицпатрик 2008, с. 254]. Тексты рассмотренных нами жалоб написаны в основном людьми в возрасте старше 30 лет. Повсеместное использование ими термина «враг народа» показывает, что они, будучи в курсе идеологической повестки и проводимых громких репрессивных кампаний, вольно или невольно переносили этот опыт на себя. «Из всего вышесказанного видно, так как это подтвердилось на процессе бандитов Ягоды и компании, что враги народа старались терроризировать верных преданных Сов. власти людей и делать их жертвами своих преступлений, что он одна из жертв происков врагов народа»¹¹, – писала в своей жалобе о пересмотре дела мужа Х. Рымар. Любопытно, что, относясь к власти имущим с недоверием как к людям, не интересующимся мнением масс [Дэвис 2011, с. 122], именно в них рядовые граждане начинали искать заступника в экстремальной ситуации, при этом не осознавая, что именно по вине власти как главного инициатора террора они в этой ситуации и оказались.

По критерию мотива в отдельную группу можно выделить жалобы родственников, которым мотивы ареста были неизвестны. «Арест моего мужа явился для меня полной неожиданностью и совершенно для меня непонятным до сих пор»¹². В жалобах такого типа авторы строили предположения о причинах ареста и предъявляли свои оправдательные доводы, исходя лишь из своих мыслей, однако по возможности подкрепляя их справками и всевозможными свидетельствами. В таких текстах присутствуют подробные биографии заключенных в пересказе их родственников с акцентом либо на безупречное пролетарское происхождение, либо на исправленные ошибки прошлого: «...о той справки которая была прислана из сель/совета где было указано <...> что он как будто бы был замечен в краже колхозных каров, замечен в хулиганстве и пьянки <...> за кражу он не судим и запянку и хулиганство он исправился что за проживаемый срок с ним я магу подтвердить...»¹³. «Что случилось и за что его причислили к врагам народа, я не знаю, личных ставок

¹¹ Там же. Д. П-4622. Л. 30 об.

¹² Там же. Д. П-4394. Л. 18.

¹³ Там же. Д. П-4282. Л. 35.

ни с кем не было, его вину «укрывательство прошлого» объявили в момент прибытия этапом в г. Куйбышев»¹⁴. Примечательно, что, говоря о «пятнах» в биографии осужденного, родственники не связывали их напрямую с арестом, как бы считая такой мотив недостаточно веским. В своем повествовании они явно отрицают эту очевидную (для сегодняшних историков) причину осуждения как неважную, преодолимую, исправляемую «перевоспитывающим действием советской обстановки»¹⁵: «Может быть он наказан за то, что он является сыном отставного поручика, но ведь теперь мой муж имеет от роду 60 лет и с малых лет не имел никаких связей с отцом»¹⁶.

Незнание мотива ареста иногда объяснялось ошибкой органов. Жена 60-летнего колхозника Сергея Сытова в жалобе на имя Берии назвала арест мужа «тяжелым недоразумением»¹⁷, а супруга Мирона Фридлянда писала: «Я уверена, что в результате роковых стечений обстоятельств мой муж явился жертвой оговора и клеветы»¹⁸. Несмотря на присутствие здесь мотива оговора, для нее причина ареста все же заключается в случайности произошедшего.

Конечно, мотивы осуждения, высказанные в жалобах, были бы не раскрыты без установления «истинных» причин ареста (по мнению заключенных и родственников) – второго вопроса, освещаемого во второй части структуры каждой жалобы. Очевидно, что жанр прошения о помиловании не способствовал размышлениям на тему причин репрессий в общем, хотя документы свидетельствуют, что этот вопрос занимал современников событий. Массовый характер репрессий становился очевидным для любого, кто принимал участие в собраниях и митингах, одобрявших приговоры «врагам народа», и кто был свидетелем арестов родственников, соседей и коллег [Быкова 2011, с. 400, 403]. В жалобах понимание того, что террор в стране повсеместен, проявлялось лишь на интуитивном уровне (между строк) и нивелировалось попыткой распознать причины каждого конкретного ареста.

Приведем список наиболее часто встречающихся причин осуждения, по мнению жалобщиков.

Указание на чужие преступления. Эта причина наиболее тесно связана с мотивом «оговор»: сами заключенные связывали доносы и заявления, якобы или действительно поданные на них в НКВД, со своей честной трудовой деятельностью и социалистическим долгом

¹⁴ Там же. Д. П-4622. Л. 30 об.

¹⁵ Там же. Д. П-4411. Л. 42.

¹⁶ Там же. Д. П-2532. Л. 36 об.

¹⁷ Там же. Д. П-4822. Л. 23 об.

¹⁸ Там же. Д. П-5761. Л. 54.

разоблачения криминала. «Я повел энергичную борьбу с упущениями и злоупотреблениями Макарова <...> поэтому Осипов и Макаров совместными усилиями постарались всячески отделаться от меня как от опасного для них человека»¹⁹; «все предъявленные мне обвинения были согласно поданного на меня ложного заявления со стороны начхоза Галомштока и вещкаптера, за то что я им пресек использование черных вещей на сторону, о которых дело было передано в Мособлсуд <...> эти два нахальные ложные заявителя открыто угрожали мне отомстить, чем и воспользовались»²⁰. Родственники, как правило, подобную причину оговора не рассматривали и повторяли ее лишь со слов самих заключенных: «Органы НКВД были введены в заблуждение как извещает об этом мой муж, ложными показаниями трех лиц»²¹. В их текстах при раскрытии причин оговора они апеллировали к фактам биографии, честной трудовой деятельности родственника и его личным положительным качествам.

Социальное происхождение и политическое прошлое. Предмет самой часто встречающейся фальсификации в делах по «кулацкой» операции [Разгон 2009, с. 83–102], социальное происхождение в том или ином виде фигурирует почти во всех жалобах и заключенных, и их родственников: в одних в качестве довода о невозможности быть виноватым «по происхождению», в других – как оправдание уже предъявленного обвинения. Прошлое в текстах жалоб могло выступать как самостоятельным аргументом («Комиссией по чистке я был исключен из членов ВКП (б) как баласт, на самом деле это была месть со стороны партийной организации б. Самарского трубочного завода за то, что я был против рабочей оппозиции»²²), так и являться припиской следователя, основанной, например, на данных ложных справок («Была затребована справка из сельсовета, который из-за личных счетов с моим братом выдал справку о том, что я дочь кулака. Я видела эту справку у следователя, между тем справка эта ложная и ранее опровергнута другой инстанцией...»²³; «Предъявленное мне обвинение что я бывший жандарм довавший сведения охранки фактически ничем не обоснованы обвинениями в 1905 году мне было 18 лет жандармом я не был»²⁴). В отличие от своих родственников, сами заключенные видели связь между своим социальным происхождением и арестом, однако не считали ее несо-

¹⁹ Там же. Д. П-4221. Л. 40–41.

²⁰ Там же. Д. П-4480. Л. 23 об.

²¹ Там же. Д. П-4326. Л. 22.

²² Там же. Д. П-4241. Л. 26–26 об.

²³ Там же. Д. П-4481. Л. 25.

²⁴ Там же. Д. П-4873. Л. 36.

мым основанием для осуждения. В реальности даже если дополнительной проверкой устанавливалось, что осужденный не вел антисоветской агитации, социальное происхождение было основанием для отказа в пересмотре дела [Гридунова 2009, с. 657].

Бытовые склоки. Тексты жалоб на осуждения, произошедшие, по мнению их авторов, на почве бытовых проблем, пожалуй, в наиболее ярких красках рисуют жилищный кризис большого города, который становился причиной заявлений на соседей в НКВД и позже, о чем свидетельствуют следственные дела 1941–1942 г. «С первого же дня моего вселения гр. Рутковские, Осьминины-Кулешевы, Ефимовы и др. занимались систематическим выживанием меня из квартиры, называя агентом ОГПУ, жидом, выбрасывали вещи из мест общего пользования, не давая пользоваться кухней, ванной...»²⁵; «я имел личное знакомство с гр. Арсентьевым, который жил в одном доме со мной, даже родственник шурина моему брату, который решил занять мою жилую площадь»²⁶. Интересны акценты, расставленные в текстах жалоб об арестах на бытовой почве: если сами заключенные считали оговор возможностью решить «квартирный вопрос», их родственники апеллировали только к неприязни во взаимоотношениях с соседями. Дочь Анны Чухманенко писала Берии: «Фразы в подобном роде – угрозы не раз произносились и раньше и мне лично. «Я тебя выявлю!» и т. д. Ивановская вообще всех «выявляла» и преследовала в квартире и других жителей, называла всех буржуями – врагами народа, а в результате сама и ее муж оказались троцкистами»²⁷. В подобной ситуации оказалась и супруга Сергея Седова: «Гр-ка Волобуева не соблюдала правил общежития, что нами ей и указывалось. У гр-ки Волобуевой ненависть по отношению к нам, в частности, к моему мужу, выросла до таких пределов, что она начала распространять лживые сведения о том, что мой муж настроен антисоветски»²⁸.

Третью, завершающую часть структуры каждой жалобы можно назвать результативной. В ней заключенный или его родственник еще раз указывал на причину неверного осуждения и того, почему его дело должно быть пересмотрено. В определенном смысле приводимые аргументы – это выбор поведенческой роли, описанный Ш. Фицпатрик на примере авторов добровольных «писем во власть» [Фицпатрик 2011, с. 199–202]: представление себя как угнетенного, как патриота, имеющего достижения перед лицом советской власти, или просто «жены» (по аналогии с моделью «матери» – с заботой

²⁵ Там же. Д. П-2577. Л. 43.

²⁶ Там же. Д. П-2576. Л. 19.

²⁷ Там же. Д. П-4833. Л. 20–20 об.

²⁸ Там же. Д. П-4884. Л. 31.

о муже). Среди аргументов, которые обычно встречались вкупе друг с другом, выделяются следующие.

Честный советский труженик. Наиболее распространенный аргумент, которым заканчивалось более половины поданных жалоб. «В лагерь врагов советской власти я не попадал и не мог попасть, поскольку врагом не являюсь. Я работал честно и с полным правом ощущаю себя преданным Советской власти человеком»²⁹.

Вера в советские законы. Часто этот аргумент соседствовал с фактами биографии «настоящего советского человека»: с бедняцким происхождением, терпящего на протяжении жизни притеснения и лишения, при этом всего добывающегося честным трудом. Сами заключенные апеллировали к силе советского правосудия чаще, чем их родственники: «До сего времени я задумывался, как можно осудить невинного человека, тем более в Советской республике <...> я не теряю надежды в неизбежность и правоту советских законов»³⁰. Родственники же немного чаще обращались к мотиву долга перед советской властью. В их текстах чувствуется некоторая дихотомия, вероятно, вызванная действием советской пропаганды о важности бдительности: зная, что осужденный невиновен, родственники все же допускают, что при условиях других обстоятельствах осуждение могло быть справедливым: жена Григория Щечкина, заверяя Вышинского в невинности мужа («Мой муж не был и не мог быть врагом советской власти, ведь только при советской власти мы начали настоящую жизнь»³¹), в конце своей жалобы писала: «В невинности моего мужа уверена, если в этом у меня была хоть тень сомнения, я не стала и не посмела бы подать эту жалобу»³². Дети Егора Бельмесова подали заявление Сталину о пересмотре дела их отца, при этом указав: «Мы бы хотели знать что наш отец действительно враг нашей родины и отказаться от него или же человек который осужден по ошибке или по доказательству каких-нибудь негодяев»³³. Документ своего времени – напоминание о «подвиге» Павлика Морозова, свидетельство того, что главные причины арестов, по мнению рядовых граждан, – ошибка и недоразумение или же донос. Тема долга перед советской властью двояко развернулась в прошении осужденной Елизаветы Якубович: «Я признаю себя виновной в том, что я как женщина-пролетарий теперь везде вперед, на производстве и общест-венности, я же увлеклась только своей личной жизнью, т. е. своим

²⁹ Там же. Д. П-4411. Л. 43..

³⁰ Там же. Д. П-2434. Л. 24.

³¹ Там же. Д. П-4326. Л. 22 об.

³² Там же. Л. 26.

³³ Там же. Д. П-4441. Л. 24 об.

огородом и хозяйством»³⁴ (после ареста мужа жила на средства от сдачи комнаты и продавала молоко своей коровы).

«*Дети не в ответе за родителей*». Это аргумент также связан с верой в советские законы и апеллирует к сказанной Сталиным в декабре 1935 г. знаменитой фразе, которая шла вразрез с практикой реальных осуждений, особенно по приказу 00447, где «кулацкое» происхождение было главным основанием для ареста. «Нести же наказание только за то, что родился в кулацкой семье, это тяжело да и неверно, так как вождь пролетариата и всех трудящихся т. Сталин сказал “Сын за отца не ответчик”»³⁵; «Я действительно дочь дворянина, но во-первых по-моему совершенно этого недостаточно для обвинения в контрреволюционной деятельности, во-вторых согласно нашей сталинской конституции дети за своих родителей не отвечают»³⁶.

Нарушения в ходе следствия. Заключенные, уличившие следователей в недобросовестном ведении дела, приводили в своих жалобах объяснения по пунктам каждого предъявленного им обвинения. Они старались указать на незаконность тех или иных действий следователя (приписки в анкете, отсутствие очных ставок и т. д.). «Уполномоченным НКВД Слепневым мне было предъявлено обвинение, якобы я говорил колхозникам, что скоро будет война, будем давить коммунистов, мне ли говорить эти слова как бывшему красногвардейцу, стоя за советскую власть, каждый колхозник наплюет мне в глаза»³⁷. Нередко подоплеку для нарушений в ходе дела осужденные видели в материалах доносов, и тогда «разоблачали» не только следователя, но и доносчика: «...он мне неоднократно обещал отомстить, что и выполнил, дав против меня ложные сведения <...> он имел обширные знакомства, причем следователь кто вел мое дело его личный друг и товарищ»³⁸.

Физическое состояние. Одной из веских причин для пересмотра дела, по мнению жалобщиков, было состояние здоровья осужденного. Жены указывали на преклонный возраст и болезни, которыми их мужья страдали еще до ареста («Мой муж очень больной человек, на почве раннего склероза мозга у него развилась шизофрения...»³⁹), апеллировали к своему самочувствию и самочувствию детей («Семья моя, состоящая из трех человек, осталась совершенно беспризорной, так как я совершенно к труду неспособная, меня

³⁴ Там же. Д. П-4421. Л. 22 об.

³⁵ Там же. Д. П-4495. Л. 28.

³⁶ Там же. Д. П-4134. Л. 58.

³⁷ Там же. Д. П-4252. Л. 25.

³⁸ Там же. Д. П-4305. Л. 33.

³⁹ Там же. Д. П-4272. Л. 20.

разбило параличом, а дети несовершеннолетние»⁴⁰; «В настоящее время осталась с тремя детьми и дети у меня очень больные...»⁴¹). Сами же заключенные чаще повествовали о состоянии своего здоровья, которое они теряли в лагерях, хотя и в тяжелых условиях заключения старались заботиться о семье: «До сих пор в лечебнице находится душевно больная дочь, спасение которой было вполне возможным, если бы возле нее был близкий человек – отец. Семья моя разбита, я даже не знаю, что с ними. Сам я, все время работая в лагерных условиях, в 49 лет превратился в старика-инвалида»⁴².

Плохие материальные условия. Помимо состояния здоровья, родственники апеллировали к тяжелым бытовым условиям: «Живу я в чулане который мы сами с мужем обмазали глиной но он весь светится на улицу и стены то промерзают то отходят, крыша течет при всяком мелком дожде, дети страшно страдают рахитом»⁴³. О необходимости поддерживать семью нередко писали и сами заключенные.

Подводя итог, отметим, что жалобы заключенных и их родственников – это ценный источник, оживляющий следственное дело, раскрывающий сухие формулировки официальных обвинений и дающий возможность заглянуть в истинную суть каждого конкретного дела. Его можно определить как особый тип эго-документа, создаваемый вынуждено под действием обстоятельств, отражающий субъективную реальность репрессивных механизмов с целью добиться пересмотра дела. Структура документа имеет трехчастную форму, в которой последовательно в представлении автора отражаются мотивы, причины ареста и доводы в пользу пересмотра принятого решения. В жалобах раскрывается не только личность автора (а в жалобах родственников два «Я» – собственное и заключенного), но и восприятие и осознание террора в коллективном «МЫ» рядовых советских граждан, которые почти никогда не прописывались в жалобах прямым текстом, однако читаются между строк. «МЫ» – согласно идеологии, сущность советского народа, в котором коллективное обязано было преобладать над индивидуальным, всегда отходило на второй план перед «Я» в случае каждого конкретного ареста, когда вопрос о собственном спасении решался персонально в неравном диалоге человека и системы.

Тексты прошений о помиловании построены на идеалистических представлениях заключенных и их родственников о «реальной» причине осуждения, а не той, которая объявлялась новоиспеченным

⁴⁰ Там же. Д. П-4622. Л. 30 об.

⁴¹ Там же. Д. П-4334. Л. 16.

⁴² Там же. Д. П-2577. Л. 44.

⁴³ Там же. Д. П-4282. Л. 36 об.

заклученным по прибытии в лагерь. Объяснения этих причин различаются в письмах из заключения и с воли: родственники осужденных, для которых мотив ареста зачастую был неизвестен даже отдаленно, апеллировали к фактам их биографий и к своему положению после потери кормильца; сами же заключенные «разоблачали» доносчиков и следователей, уделяя особое внимание своей добросовестной трудовой деятельности, а краткие факты из своей биографии приводили как доказательство своей солидарности с советским политическим курсом. У них было более четкое представление о связи ареста и предъявленного обвинения с социальным происхождением, что в действительности и лежало в основании проводимых массовых арестов, однако даже при этом понимании они не считали такое «пятно» в биографии весомым основанием для осуждения. Их родственники улавливали такую связь гораздо реже и не воспринимали ее всерьез. Основанием и для одной, и для второй линии рассуждений была вера в честность советского правосудия и советские законы, внушаемая каждому гражданину. Логично, что «нарушителей» этих законов и виновников арестов видели в таких же гражданах – сослуживцах, соседях, следователях, – и не могли задуматься о том, что в них может быть виновата сама власть.

Литература

- Быкова 2011 – *Быкова С.И.* «Время-тать»: представления жителей Уральского региона о масштабах и причинах террора в 1930-е годы // История сталинизма: репрессированная российская провинция: Материалы международной научной конференции. Смоленск, 9–11 октября 2009 г. / Под ред. Е.В. Кодина. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 400–407.
- Валуев 2012 – *Валуев Д.В.* Лиценцы в системе социальных отношений, 1918–1936 гг.: на материалах Смоленской губернии и Западной области. Смоленск, 2012. 155 с.
- Гридунова 2009 – *Гридунова И.А.* Роль прокуратуры в реабилитационных мероприятиях 1939–1941 гг. на материалах Алтайского края и Новосибирской области // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг.: Масовая операция на основе приказа № 00447. М.: РОССПЭН; Германский исторический институт в Москве, 2009. С. 647–662.
- Дэвис 2011 – *Дэвис С.* Мнение народа в сталинской России: Террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 231 с.
- Килин 2018 – *Килин А.П.* Автобиографические сведения в структуре личного дела гражданина, возбуждившего ходатайство о восстановлении в избирательных правах, лишенных за занятие торговлей // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 433. С. 70–77.

- Кодан 2017 – *Кодан С.В.* Источники личного происхождения в изучении истории советского государства и права: теоретические и методологические основы исследования [Электронный ресурс] // *Universum Juris*. 2017. № 1. URL: <http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/32> (дата обращения 02.02.2021).
- Москаленская 2013 – *Москаленская Д.Н.* Тактики поведения священно- и церковнослужителей-«лишенцев» Западной Сибири в борьбе за восстановление в правах: середина 1920 – середина 1930-х годов // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2013. Т. 12, вып. 8. С. 134–138.
- Разгон 2009 – *Разгон В.Н.* Репрессии против бывших «кулаков» в Алтайском крае в 1937–1938 г. // *Сталинизм в советской провинции: 1937–1938: Масовые операции на основе приказа № 00447*. М., 2009. С. 83–102.
- Суржикова 2014 – *Суржикова Н.В.* Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? (Вместо предисловия) // *История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН*. Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2014. С. 6–13.
- Троицкий 2014 – *Троицкий Ю.Л.* Аналитика эго-документов: инструментальный ресурс историка // *История в эго-документах: Исследования и источники / Ин-т истории и археологии УрО РАН*. Екатеринбург: Изд-во «АсПУр», 2014. С. 14–31.
- Уйманов 2012 – *Уйманов В.Н.* Была ли «бериевская оттепель» в СССР? (К вопросу о реабилитации жертв репрессий) // *Вестник Томского государственного университета*. 2012. № 358. С. 39–45.
- Фицпатрик 2008 – *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2008. 336 с.
- Фицпатрик 2011 – *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. 375 с.

References

- Bykova, S. (2011), “ ‘Time-Thief’. The idea of the inhabitants of the Ural region about the scope and causes of terror in the 1930s”, in *Istoriia stalinizma: repressirovannaia rossiiskaia provintsiia: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Smolensk, 9–11 oktiabria 2009 g.* [History of Stalinism. A repressed Russian province. Materials of the international scientific conference. Smolensk, October 9–11, 2009], Moscow, Russia, 2011, pp. 400–407.
- Gridunova, I. (2009), “The role of the prosecutor’s office in the rehabilitation activities of 1939–1941 on the materials of the Altai and Novosibirsk Region”, in *Stalinizm v sovetskoi provintsii: 1937–1938 gg. Massovaia operatsiia na osnove prikaza № 00447* [Stalinism in the Soviet province. 1937–1938. Mass operation based on order No. 00447], ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, Moscow, Russia, pp. 647–662.

- Devis S. (2011), *Mnenie naroda v stalinskoj Rossii: Terror, propaganda i inakomyslie, 1934–1941* [Popular opinion in Stalin's Russia. Terror, propaganda and dissent, 1934–1941], ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, Moscow, Russia.
- Kodan, S. (2017), “Sources of personal origin in the study of the history of the Soviet state and law. Theoretical and methodological foundations of research” [Online], available at: <http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/32#> (Accessed 2 Feb 2021).
- Surzhikova, N. (2014), “Ego-documents. An intellectual fashion or a conscious need? (Instead of having a preface)”, in *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in ego-documents. Research and sources], AsPUr, Ekaterinburg, Russia, pp. 6–13.
- Troitskii, Yu. (2014), “Analytics of ego-documents: an instrumental resource of a historian”, in *Istoriia v ego-dokumentakh: Issledovaniya i istochniki* [History in ego-documents. Research and sources], AsPUr, Ekaterinburg, Russia, pp. 14–31.
- Uimanov, V. (2012), “Was there a ‘Beria thaw’ in the USSR? (On the issue of rehabilitation of repression victims)”, *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 358, pp. 39–45.
- Fitzpatrick, Sh. (2008), *Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod* [The social history of Soviet Russia in the 30s. A city], ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, Moscow, Russia.
- Fitzpatrick, Sh. (2011), *Sryvaite maski! Identichnost' i samozvanstvo v Rossii XX veka* [Tear off the masks! Identity and imposture in 20th century Russia], ROSSPEN, Fond “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Екатерина М. Мишина, кандидат исторических наук, Благотворительный фонд «Протяни руку», Москва, Россия; Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, корп. 3; zyu@inbox.ru

Information about the author

Ekaterina M. Mishina, Cand. of Sci. (History), Charity foundation “Give the hand”, Moscow, Russia; bldg. 3, bld. 11, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009; zyu@inbox.ru